

В первый день после полудня учеников ждали три большие лекции. Изначально открывать этот блок должны были основы алхимии, однако у старейшины Даньлу возникли неотложные дела, и он поменялся часами со старейшиной Фушоу.

Так и вышло, что на первом уроке Юнь Фэймяо оказался безоговорочным королем положения.

Зато вторая лекция, посвященная алхимии, стала бенефисом Цзян Цинжо и Лю Сунлани. Оба они уже являлись алхимиками земного ранга, так что подобные вводные занятия были для них сущими пустяками.

В особенности это касалось Цзян Цинжо: его теоретическая база была куда прочнее, да и чутье в работе с котлом оказалось на высоте — с первой же попытки он сотворил порцию кровоостанавливающего порошка высшего качества.

У Лю Сунлани дела пошли чуть хуже. Всё-таки речь шла о самом базовом целебном средстве, и получившийся у него состав по своим свойствам превосходил отличное качество, но до высшего слегка не дотягивал.

Будь это полноценные пилюли, он, вероятно, сумел бы выдать одну-две штуки безупречного качества, но с однородным порошком совладать было куда сложнее.

По логике вещей, порошки поддавались выплавке гораздо легче пилюль, ведь этот процесс исключал множество промежуточных этапов, да и пассы руками использовались самые элементарные.

Однако Лю Сунлань в нежном возрасте слишком уж гнался за повышением ранга, из-за чего подобные азы, с которых начинают все новички, парадоксальным образом оказались у него наименее отработаны.

Цзян Цинжо был слеплен из другого теста: он вырос под крылом целой плеяды старейшин из Долины Бога Земледелия, а потому как в культивации, так и в алхимии уповал исключительно на надежность и основательность. К каждому новому рецепту он переходил лишь после того, как доводил приготовление предыдущего до абсолютного автоматизма, оттого-то среди его запасов преобладали снадобья исключительно высшего качества.

Старейшина Даньлу остался донельзя доволен этой парой, но стоило ему перевести взгляд на плоды трудов Юнь Фэймяо и Се Яна, как он с самым несчастным видом отвернулся.

Нравом старейшина Даньлу обладал куда более кротким, нежели старейшина Фушоу, и попусту выходить из себя не любил. К тому же у этих двоих понимание алхимии изначально равнялось нулю, так что требовать от них невозможного было бы глупо.

Тем не менее, будучи наставником мягким и терпеливым, он кое-как свыкся с видом двух уродливых кучек, получившихся у Юнь Фэймяо и Се Яна, и все-таки подошел расспросить их о деталях, надеясь нащупать индивидуальный подход к обучению.

Узнав, что Юнь Фэймяо происходит из клана Юнь Западного континента, старейшина Даньлу мгновенно всё понял. В конце концов, в этом роду, ведущем свою историю с незапамятных времен, у всех потомков испокон веков преобладали духовные корни воды или льда, чуть реже встречался корень молнии.

И лишь у обладателей множественных корней к этой основе могла примешаться ветвь дерева или земли.

Но сколько бы корней ни переплеталось в их телах, у выходцев из клана Юнь физически не могли зародиться элементы металла или огня, отчего таланты всего семейства в области алхимии иковки артефактов неизменно стремились к нулю.

Впрочем, это ничуть не мешало им жить, ведь все прямые потомки клана, за исключением обладателей корня молнии, успешно осваивали родовые исцеляющие техники. Их эффективность была столь высока, что ни в чем не уступала лучшим медицинским практикам ордена Короля Лекарств.

К тому же люди из рода Юнь славились незаурядной изобретательностью: не имея возможности укротить огонь ради выплавки пилюль, они додумались напрямую извлекать соки из духовных растений и соединять их в целебные эссенции. И пускай сам процесс отличался невероятной сложностью, готовый продукт был неудобен в транспортировке, да и обучиться этому искусству обычному человеку было почти нереально, конечный результат по своим свойствам ничуть не уступал традиционным пилюлям.

Более того, действие таких эссенций оказывалось куда мягче, и они не приводили к накоплению алхимических токсинов в меридианах практикующего.

Удостоверившись, что Юнь Фэймяо владеет исцеляющими техниками и способен смешивать лекарственные соки, старейшина Даньлу особым распоряжением освободил его от необходимости слушать лекции. Взамен он вручил юноше два труда: «Полную энциклопедию духовных растений Пяти континентов» и «Полное собрание методов фальсификации пилюль».

При виде названия второй книги Юнь Фэймяо в изумлении округлил глаза: где это видано, чтобы почтенный старейшина подсовывал ученикам подобные руководства?

— Не нужно так удивляться, да и всем остальным тоже нечего глаза таращить. Уловки мошенников становятся изоощреннее день ото дня, и лишь досконально изучив методы их подделок, мы сможем уберечь себя от обмана, — с самым серьезным видом изрек старейшина Даньлу. — Однако нам дозволено лишь знать об этих уловках, но ни в коем случае нельзя применять их ради обмана или причинения вреда людям. Помните: если орден уличит кого-то в подобном, виновного ждет немедленное лишение культивации и позорное изгнание из секты.

Все присутствующие согласно закивали, хотя втайне каждому безумно хотелось вытянуть шею и хоть краем глаза заглянуть в оглавление этой чудо-книги.

Заметив этот живой интерес, старейшина Даньлу добавил:

— Данный труд — это самое свежее издание, которое я только-только привел в порядок. Поскольку остальным адептам еще нужно слушать лекцию, я попрошу нашего младшего племянника Юня сделать две копии этой рукописи. Одну я самолично отнесу в Хранилище книг, а вторую оставлю прямо в аудитории, дабы другие ученики могли переписать ее на досуге.

Юнь Фэймяо согласно кивнул. В конце концов, переписывание книг — отличный способ закрепить знания в памяти. С его феноменальными способностями двух раз вполне хватит, чтобы заучить весь текст слово в слово.

Единственное, что его искренне удивляло — отчего старейшина Даньлу использовал столь архаичный способ фиксации знаний? В мире практикующих ведь куда больше любили делать записи на нефритовых свитках, с которых потом донельзя удобно снимать оттиски.

А при таком дедовском методе, когда текст наносился чернилами без малейшего участия духовной энергии, остальным adeptам ради получения заветных знаний придется по старинке корпеть над бумагой.

Старейшина Даньлу с глубоким удовлетворением понаблюдал за тем, как послушный Юнь Фэймяо принимается за переписывание. Видя, какими аккуратными, ровными и красивыми выходят строчки на листах, он мысленно порадовался еще сильнее.

Покончив с этим, он перевел взгляд на Се Яна. Задав парню пару вопросов и еще раз внимательно изучив покоящуюся перед ним уродливую кучку, старейшина Даньлу сурово насупился.

Словно наткнувшись на диковинную зверушку, он несколько раз обошел вокруг Се Яна и в конце концов был вынужден признать свое полное поражение.

Тут уж ничего не поделаешь, нулевой талант — это вовсе не фигура речи. Ведь Се Ян вполне успешно мог призывать пламя для плавки трав, да и с различными видами духовных растений был знаком не понаслышке, четко различая их свойства и характер воздействия.

Но вот лекарство у него не выходило хоть ты тресни!

Ситуация один в один напоминала историю с тем племянником Шэнем с пика Цзяньцан: парень тоже готовил блюда строго по кулинарным рецептам шаг за шагом, но конечный продукт у него выходил таким, что даже преданный пес жрать не станет.

Глядя на высившуюся перед Се Яном кучку порошка, который отливал всеми мыслимыми оттенками черного, старейшина Даньлу пересилил себя, аккуратно подцепил ногтем самую малость, отправил в рот и разок-другой причмокнул языком...

Как бы это помягче выразить? Вкус оказался на удивление недурственным!

Сладковато-кислый, с отчетливыми нотками жженой карамели и едва уловимым ароматом лесных трав — точь-в-точь измельченные в пыль изысканные леденцы.

Вот только старейшине-то нужен был сахар? Ему позарез требовался кровоостанавливающий порошок!

Каким образом этот умелец, держа в руках охапку целебных трав, ухитрился на выходе получить чистейшую сахарную пудру, напрочь лишенную каких-либо лекарственных свойств?

Это и называлось в народе «взять отбросы, откинув самую суть»?

Впрочем, подобное определение тоже казалось не совсем верным: в конце концов, получившееся варево вышло весьма приятным на вкус, так что называть его отбросами язык не поворачивался.

По крайней мере, на фоне некоторых личных учеников, которые умудрялись попросту сжигать доверенные им растения в труху, творение этого юноши хотя бы можно было употреблять в пищу.

Но боги, какой же это перевод добра! Как можно было допустить, чтобы вся целебная сила бесследно испарилась в процессе плавки?

До чего же абсурдный и нелепый талант!

Старейшина Даньлу рассудил, что Се Яну будет куда полезнее навсегда оставить стезю алхимии, а потому решительно выложил перед ним два тома: «Полную энциклопедию сахаросодержащих духовных растений» и «Секретные рецепты приготовления сладостей мира практикующих».

Се Ян от такого поворота событий натурально впал в ступор. Ладно бы ему предложили бросить алхимию — это он еще мог понять, но при чем здесь варка сахара?

— Судя по всему, у тебя врожденная склонность к кондитерскому делу. Получившийся у тебя порошок хоть и лишен лекарственных свойств, зато под завязку пропитан чистой духовной энергией, так что его употребление принесет практикующим немалую пользу. Единственная беда — внешний вид подкачал, нормальный человек такое пробовать побоится. Изучи эти книги как следует. Постарайся создать сладости, которые придутся по сердцу каждому, и тем самым проложи себе дорогу к богатству и процветанию.

Выдав эту тираду, старейшина Даньлу с гордо поднятой головой зашагал к следующему ученику, потерпевшему фиаско на ниве алхимии. В глубине души он несказанно гордился собой, находя себя поистине мудрым наставником, умеющим находить индивидуальный подход к каждому подопечному.

Во-первых, он поощрял использование учениками самых разных методов обработки трав, не заставляя их заикливаться на какой-то одной форме лекарства. Какая разница — пилюли, порошки или эссенции? Если средство работает, значит, это хорошее средство.

Во-вторых, он искренне пекся о благосостоянии своих подопечных. Даже если у человека не лежала душа к медицине, нельзя было упускать ни единой возможности для заработка.

Он всегда готов был оказать ученикам должную поддержку и вдохновить их на усердную учебу и широкое развитие дела, дабы те держались как можно дальше от бедности.

Чем дольше старейшина Даньлу предавался этим мыслям, тем более заботливым и широким взглядов человеком себе казался. И лишь Се Ян остался сидеть на своем месте в полнейшем замешательстве, чувствуя, как мысли в его голове окончательно заходят шариками за ролики.

Юнь Фэймяо с живейшим любопытством придвинулся ближе:

— А Фэн, неужто то, что ты приготовил, и впрямь обычный сахар?

Се Ян покачал головой:

— Понятия не имею.

Он знал лишь то, что лекарства из-под его рук не выходят, но кто же мог подумать, что вместо этого у него получится кондитерская пудра.

— А можно мне попробовать? — Юнь Фэймяо так и загорелся нетерпением.

— Наверное, не стоит... Вид у этого варева больно уж неказистый, — Се Ян на подсознательном уровне полагал, что уродливые вещи по определению не могут быть вкусными.

— Да брось ты! Будь этот порошок гадостью на вкус, старейшина Даньлу ни за что не стал бы

подбивать тебя на варку сахара, — к их разговору немедленно подключился Гун Чжоу.

— Подумать только, не осталось ни единой капли целебных свойств... Брат Се, как тебе вообще удалось этого добиться? — Цзян Цинжо тоже не удержался и подошел полюбопытствовать.

Глядя на три уставившиеся на него пары полных нетерпения глаз, а затем на остальных личных учеников, в чьих взглядах сквозило точно такое же любопытство, Се Ян со вздохом уступил. Он разделил получившуюся кучку черного порошка на несколько порций и раздал каждому желающему по щепотке.

В то же мгновение на него посыпался целый град искренних похвал, и со всех сторон дружным хором зазвучали советы всенепременно заняться изучением кондитерского дела.

Се Ян: ...

<http://bllate.org/book/17668/1662715>